

Культурная память и сохранение национальной идентичности в эмиграции

И л з е Ш Е Н Б Е Р Г А
Даугавпилский университет, Латвия

Ключевые слова: *память, культура, отношение, самосознание народа, дух народа, воспоминания, идентичность, время, пространство, эмиграция, семья, традиции.*

Среди многочисленных проблем, занимающих умы историков и философов с середины XX века и вплоть до сегодняшних дней, особое место отводится таким феноменам, как историческое сознание и память, которые являются весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей, во многом определяя их намерения и настроения. Как отмечает К. К. Молдобаев, память, являясь сложным и многокомпонентным явлением, выступает обязательным условием существования общества, базируется на накоплении, хранении и трансляции социально значимой информации (М о л д о б а е в 2004, 19). Это особым образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Об актуальности проблемы памяти свидетельствует то большое количество контекстов, в которых актуализируется данное понятие в работах исследователей в связи с социальной, исторической, культурной, этнической памятью.

Взгляд на феномен памяти в культурологическом аспекте способствовал формированию представлений о культурной памяти, которая носит не только индивидуальный, но и коллективный характер. Учитывая наличие в научной литературе большого количества определений культуры подчеркнем, что в нашем случае приемлемой представляется дефиниция, наиболее часто встречаемая в работах антропологов и социологов, отмечающих, что культуру характеризуют особенности сознания, поведения и деятельности человека в различных жизненных сферах (Н а s t r u p 1992). Принимая, что культура – это исторически, социально и личностно определенное отношение человека к природе, обществу и к себе самому, объясняющее поведение и действия человека (V e i n b e r g s 1988, 6), обозначим и ключевое слово данной статьи – *отношение*. Именно отношение к одним и тем же явлениям, событиям в различных обстоятельствах и в разное время помогает наиболее полно раскрыть непреходящие ценности в жизни как отдельного человека, так и целого поколения.

Прошлое не исчезает бесследно: оно сохраняет связь с настоящим. Тем не менее, по мнению Ф. Шеллинга, единственным предметом истории выступает лишь та его (прошлого) часть, которая продолжает существовать в настоящем и воздействовать на него. При этом историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего «Я» не только в семейной родословной, но и в истории своего народа, в понимании «Мы» в национальной и культурной общности. В этой связи интересными представляются написанные в разные периоды жизни (в Латвии в 30-ые годы и в Канаде в 50-ые годы XX века) статьи и сборник П. Дрейманиса. Активный деятель латышской эмиграции в Канаде Я. Межакс в своих воспоминаниях о П. Дрейманисе писал, что он был одним из наиболее ярких представителей латышей в Канаде, «не только свидетелем Боёв за свободу [Brīvības Cīņa], <...> но и посвятил годы своей деятельности активным деятелем в деле создания молодого государства создаваемому государству, который <...> не потерял свою национальную позицию и в эмиграции, поддерживал и вне родины стремление сохранить все латышское и восстановить независимость Родины» (Mežaks 1968, 3). Интересным источником исследования для историка может служить и жизненный путь самого П. Дрейманиса, отражающий участь латышей в первой половине XX века – это и жизнь по законам Российской империи, и пестование идеи государственности, и борьба за независимое государство, и обретение его, и строительство новой жизни, прерванное в одночасье, и потеря всего, созданного большим трудом, – ни своего государства, ни своей родной земли (для многих жизнь на чужбине после войны). Все сказанное нашло отражение во многих работах, вышедших в свет в разные периоды жизни П. Дрейманиса.

П. Дрейманис родился в 1879 году. В 1906 г. закончил Тартуский университет по специальности «История» и начал свою учительскую деятельность (*Es viņu pazīstu: Latviešu bibliogrāfiskā vārdnīca* 1975). Уже в 1914 году издается его первая книга по методике преподавания истории. После обретения Латвией независимости П. Дрейманис принимает активное участие в реализации школьной реформы – в качестве ведущего специалиста он разрабатывал школьные учебные программы по истории, писал школьные учебники по истории. Его статьи публикуются в изданиях того времени, и, хотя многие из них посвящены вопросам истории Латвии, основное внимание П. Дрейманис уделяет преподаванию истории в школе. П. Дрейманис был и одним из создателей Общества учителей истории Латвии в 30-ые годы и активным его представителем, занимаясь вопросами повышения профессиональной подготовки учителей. После II мировой войны жизнь П. Дрейманиса кардинально изменилась – все последующие годы он провел в Канаде, но и в эмиграции остался верен своим принципам. Как отмечает Я. Межакс, «его жизнь была подчинена национальным интересам» (Mežaks 1968, 3). Так, уже в 1948 году П. Дрейманис участвовал в создании Национального объединения латышей и был членом его Совета до 1967 года (Dreimanis 1968, 3). В 1956 году увидела свет его *История латышского народа* (Dreimanis 1956) для вспомогательных школ [вероятно, предназначенная

для посещавших воскресную школу детей латышей–иммигрантов] и для самообучения, которая может служить материалом для исследования представлений автора об изучении истории латышей в условиях эмиграции. В 1968 году Объединение издает сборник статей П. Дрейманиса *Latvju tautas attīstība un nacionālisms/ Становление латышского народа и национализм* (Dreimanis 1968) [в дальнейшем – сборник, или книга].

Личность П. Дрейманиса интересна и в связи с тем, что уже в 30-ые годы XX века он поднимает вопросы, к которым затем вновь обратится в условиях эмиграции. Так, откликнувшись на обращенные к участникам Конгресса учителей истории Латвии в 1934 году слова К. Улманиса о роли истории в воспитании национального духа (Ulmānis 1938, 3), П. Дрейманис теоретически обосновывает в написанных в то время статьях сказанное К. Улманисом о сути *народного духа* латышей. Данную тему в тот период затрагивали и другие историки: А. Тентелис в статье *Роль истории в новой Латвии*, И. Чермакс в публикации *Переживание, изучая историю* и др., – но именно П. Дрейманис дал развернутый ответ на поставленный вопрос. В 1935 году была опубликована его статья *Vēsture kā nacionāli patriotiskas audzināšanas faktors / История как фактор национально-патриотического воспитания* (Dreimanis 1935), а в 1938 – *Nācija un vēsture/ Нация и история* (Dreimanis 1938) [в дальнейшем – статья]. В плане содержания статьи полностью созвучны со сборником «Становление латышского народа и национализм», написанным в Канаде уже в совершенно иных условиях как в пространственном (в другом историческом и реально географическом пространстве), так и во временном плане (статьи изданы до I мировой войны, сборник написан в 60-ые годы). Обращение к канадской книге дает возможность проследить, как в силу влияния различных факторов претерпевают изменения представления, взгляды человека на одни и те же явления: время написания канадской книги и место проживания автора в это время меняют ‘содержание’ жизни самого автора. Схожесть поднимаемых как в статьях, так и в сборнике вопросов позволяет увидеть, какое видение мира, какие ощущения нашли отражение в представлениях автора в два различных периода его жизни.

Основное внимание П. Дрейманиса (как в статьях, так и в сборнике) направлено на поиск ответа на вопрос, в чем заключается суть *духа народа* (латышей). Примечательно, что в если в статьях 30-ых годов наблюдался ярко выраженный партикуляризм (в центре внимания Латвия и только Латвия: ее природа, традиции народа, её ценности – без какой бы то ни было попытки рассмотрения в более широком контексте), то уже в первом разделе «Год Европы» сборника 1968 года Латвия представлена как часть Европы и отмечаются характерные для латышей, объединяющие их с *европейским духом* особенности. Создается впечатление, что для П. Дрейманиса реальная разделительная линия (граница) – океан – в то же время объединяет всё находящееся за данной линией в единое целое, одной из составляющих которого и является Латвия. Это взгляд со стороны (с другого берега), но одновременно и размышления автора о судьбе своего народа. И, хотя данный

вопрос волновал автора и ранее и рассматривался в его статьях, написанных еще в Латвии, в Канаде он приобретает новое содержание с позиции человека, накопившего большой жизненный опыт: боль по причине необходимости жить на чужбине переплетается с надеждой и попыткой спасти то, что еще связывает с родиной, – спасти *дух народа*. Тоска по латышскому становится и тоской по европейскому.

Подтверждением сказанному могут служить рассуждения автора о сути культуры Латвии, особенность которой он объясняет ее пограничным положением между Западом и Востоком. Подобный подход, без сомнения, отличается от написанного в статьях 30-ых годов, где Латвия рассматривалась как самоценность (*своя земля, свое государство, свой язык*). На наш взгляд, в этом отразились тенденции того времени: особенно популярные в начале XX века идеи американского ученого В. Г. Самнерса, который, говоря об этноменталитете, вводит термин *этноцентризм* (явления жизни воспринимаются как эталонные или оптимальные и оцениваются с позиций образа жизни, традиций, ценностей своей этнической группы) (Z e i l e 1997, 276). В свою очередь, в канадском сборнике наряду с определением *дух народа* появляется определение *европейская душа*: европейская культура автору представляется важным формирующим латышскую культуру фактором. Поэтому, согласно П. Дрейманису, латыши, волей судьбы оказавшиеся на американском континенте, «должны хранить верность европейскому духу», ибо «достижения Латвии связаны с европейской культурой, под влиянием которой формировались иные люди, иные города, иной воздух» (D r e i m a n i s 1968, 4). Этому духу свойственны «художественная красота, благородство и благочестие в лучших своих формах <...>», в силу чего, «несмотря на все негативные проявления, свойственные человеческой природе, уважение к человеку, самоопределение индивида... все еще являются геральдическими знаками Европы» (Ibid., 5).

Все последующие разделы канадского сборника уже своими названиями (*Dzimtene un tautība/ Родина и народ, Latvju tautas attīstības vide/ Среда формирования латышского народа, Vēsturiskā dzīves gultne/ Историческое пространство жизни, Dzimtenes nozīme/ Значение Родины* и т.д.) определяют круг вопросов, решение которых, по мнению П. Дрейманиса, первостепенно для сохранения национальной идентичности и одновременно отражают настроение самого П. Дрейманиса, его чувства и переживания в эмиграции, которые являются характерными для всех мигрантов во все времена и обусловлены необходимостью выживания в новых условиях и не ассимиляции в чужой среде. Принимая сложившуюся ситуацию, автор с болью осознает, что последствием жизни на чужбине, вдали от родных мест, может стать возможная потеря 'своего лица', в силу чего он пытается найти те основы, которые определяют жизнеспособность латышской нации и в условиях эмиграции и позволяют сохранить связь со своим народом. При этом, несмотря на то, что в разные периоды жизни автора его ответ на поставленный вопрос отличается, представление о *духе народа* как цементирующей его единство составляющей остается неизменным. Меняется лишь понимание роли данного

феномена: если в 30-ые годы для П. Дрейманиса *дух народа* является важным компонентом, значимым для формирования самосознания народа, то в 50-ые годы – способом сохранения связи со своими корнями и всего латышского вне этнической родины. Таким образом, этносоциальная память, являющаяся ядром, центром духовного облика нации становится важным фактором сохранения и передачи самоидентичности общности. В книге раздумьям об этом отведено значительное место. Кроме того, в сборнике П. Дрейманис пытается найти объяснение тому, «почему некоторые его соотечественники стараются стать частью другого более влиятельного народа» (Ibid., 7). Обращение к данному вопросу отражает реальную ситуацию, характерную для людей, оказавшихся в чужой среде. Интересной представляется реакция П. Дрейманиса на данное явление. Отмечая, что подобные действия некоторых соотечественников объясняются сложившимися обстоятельствами, являются результатом негативных переживаний и связаны со стремлением найти применение своим способностям, автор сборника как осуждает их, так и сочувствует им, ибо «подобное может случиться лишь с теми, кому не присущ достаточно интенсивный дух народа» (Ibid., 7). По мнению П. Дрейманиса, такие люди не будут счастливы вследствие «такого своего предательства по отношению к своему народу, так как человек не может освободиться от врожденных свойств (черт) своего народа и ... в течение всей своей жизни полностью раствориться в другом народе» (Ibid., 7).

Само появление подобных строк в канадском сборнике показывает не только наличие данной проблемы, но и степень растерянности (может быть, и неосознанной) автора. Наблюдая за активной ассимиляцией молодого поколения мигрантов, П. Дрейманис особо акцентирует необходимость сохранить в каждом человеке свойства, характерные его народу – только таким образом возможно не потерять свою идентичность. Тем не менее сказанное отчасти противоречит рассуждениям автора сборника о факторах, способствующих укреплению *духа народа*. В статьях, написанных П. Дрейманисом еще в Латвии в 30-ые годы, к ним он относит *землю* (имеется в виду *родная земля*), *язык* и *окружающую среду* (D r e i m a n i s 1938, 508). Очевидно, что в новых условиях в Канаде из упомянутого остался только родной язык, который тоже находится под угрозой. Поэтому во избежание ассимиляции на чужбине, по мнению автора статей, необходимо укреплять последние островки связи с латышским языком, с традициями и т.п. – с определенным набором этнических параметров, применение которых служит средством самоидентификации, демонстрацией принадлежности к данному этносу. В этой связи в условиях эмиграции особое значение приобретает *семья*, которая, будучи «единственной единицей общества, <...> сохраняющей крепкую генетическую связь с духом народа», является и хранилищем родного языка. Роль семьи П. Дрейманисом постоянно подчеркивается, в то время как в статьях, написанных в Латвии в 30-ые годы, она называется лишь как третий компонент после *родной земли* (или *природы*) и *государства* (D r e i m a n i s 1968, 27). Благодаря тому, что *семья* является хранилищем традиций и нравственных качеств народа, в детские и юношеские годы

происходит прорастание каждого в свое «русло жизни» (Ibid., 12), ибо, в представлениях автора, даже забыв традиции своего народа, *семья* не теряет на подсознательном уровне эту связь с духом своего народа. В результате, ответ на вопрос, как не разрушить связь молодого поколения со своими корнями, П. Дрейманис находит, к сожалению, только в прошлом. При этом немаловажным представляется и то обстоятельство, что знание о семейной родословной тесно переплетается с историей своего народа. Следовательно, источники, из которых юноши должны черпать жизненные премудрости, остались в прошлой жизни самого П. Дрейманиса и представителей его поколения: хотя некоторые из них (природа Латвии, атрибуты быта, оставшиеся на родине и т.п.) реально и продолжали существовать для автора и для его соотечественников в эмиграции это было вне их повседневной жизни в Канаде. Более того – это пространственное разделение (Латвия – Канада) приобрело и временное значение, так как ассоциировалось с прошлой жизнью. Может быть, именно поэтому П. Дрейманис приходит к выводу, что лишь «связанное с предыдущими переживаниями более понятно человеку», понимая под переживаниями историю своего народа (Ibid., 14). По сути дела историческая память, представляя из себя определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим, становится выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны для возможного его использования в деятельности людей и для возвращения его влияния в сферу общественного сознания. Именно поэтому в условиях эмиграции историческая память становится столь необходимой силой: во времена предельных испытаний, выпавших на долю людей, она является необходимым условием национальной идентичности, привязанности к своим корням. Одновременно, память – это культурно-историческое наследие, культурный арсенал, духовный потенциал народа (И к о н н и к о в а 2009). В то же время при воссоздании образов прошлого историческая память вызывает и широкий спектр эмоций – восхищение, поклонение, скорбь и страдания и т.п. (Г у р е в и ч 1993; Л о т м а н 1996), что определяет и большой ее воспитательный потенциал. В данном аспекте обращение П. Дрейманиса к памяти исторического прошлого приобретает особый смысл.

О роли истории в воспитании молодежи П. Дрейманис пишет уже в статьях 30-ых годов, так как именно история помогает понять мышление своего народа, «способствует рождению переживаний» (D r e i m a n i s 1935, 71). Поэтому полноценным гражданином может быть тот, кто в состоянии «влиться в свой народ», стать его (духовного мира) частью, на что способны лишь те, «кто знаком с верованиями предков, с традициями и моральными нормами народа» (D r e i m a n i s 1938, 505), ибо свою Родину и Отечество любить и уважать может только тот, «кто впитал в себя ее культуру, познакомился с ее природой, достижениями культуры, событиями прошлого» (D r e i m a n i s 1935, 69). По мнению П. Дрейманиса, история содействует «укреплению национального сознания», а «нация может выстоять лишь тогда, если ее

представители знакомы в исторической перспективе с особенностями и психикой своего народа и осознают свое единство», так как «интеллектуально, морально и этически человек может естественным образом развиваться только в обществе, <...> среди своего народа» (D r e i m a n i s 1938, 509). В свою очередь, знакомство с особенностями, характерными народу, становится возможным «если подойти к ним с позиций, способствующих появлению ряда ассоциаций, <...> которые придают духовной жизни человека глубину» (D r e i m a n i s 1935, 73).

Без сомнения, в эмиграции П. Дрейманис осознает особенности новой ситуации, понимает, как сложно сохранить в иной среде, в других обстоятельствах, все то характерное латышам, о чем он писал в 30-ые годы. Возможно, именно поэтому в рассуждениях о сути *духа народа* П. Дрейманис предлагает обратиться к истории в поисках тех факторов, которые формируют этот дух, акцентируя при этом другие – по сравнению со статьями 30-ых годов – вопросы. Так, в канадском сборнике основное внимание уделяется вопросам нравственности, подчеркивается, что материальные ценности не имеют такого значения, как нравственные, которые формировались «в результате тысячелетнего существования народа». Сказанному есть свое объяснение – из названных П. Дрейманисом еще в 30-ые годы основ, необходимых для существования нации, в новых условиях не осталось ничего реально зримого, поэтому история становится не только источником конкретных знаний ради этих знаний. Она необходима, чтобы (акцентируя духовную жизнь народа) вызвать определенные эмоции, чувства, и одновременно, чтобы сохранить связь поколений, их преемственность. В эмиграции воспоминания приобретают особое значение, ибо, как отмечал Д. С. Лихачев, историческая память является своеобразным пантеоном национальной идентичности (Л и х а ч е в 1986, 14).

С позиций жизненного опыта и пережитого беспокойство у П. Дрейманиса вызывает и неспособность *малого* народа противостоять влиянию больших народов. Так, в тексте канадского сборника появляются слова, которые в статьях 30-ых годов не встречались: «национальные меньшинства», «территория малых государств, с меньшим <...> местом проживания» и т.п. В силу этого, по мнению автора сборника, у людей, которые находятся вне места обитания своего народа, один выход – искать опору в народном духе, чему помогает история народа, знакомящая молодёжь с моральными нормами народа, его традициями, хранительницей которых и является семья. При этом во главу угла ставится нравственность народа, благодаря принятию и сохранению которой имеется возможность не утратить свою национальную идентичность. В этой связи П. Дрейманис уделяет большое внимание непосредственному описанию качеств, характеризующих нравственность народа. Посвящённые данному вопросу разделы сборника *Nacionālisma veidošanās / Формирование национализма* и *Latviskas vērtības / Ценности латышей* и др. отличаются от предыдущих своим настроем, ибо наполнены надеждой автора на возможное разрешение всех проблем: в них не говорится о потерях, о болезненных моментах – меняется сама тональность изложения. В центре внимания

оказываются достижения соотечественников автора сборника в Канаде: рассказывается о деятельности созданной организации, о периодических изданиях латышей в эмиграции, об организации Праздника песни. Тем не менее возникает ощущение, что сомнения П. Дрейманиса, которые столь ощутимы в первой части сборника, неслучайны: активными организаторами и участниками названных мероприятий были представители старшего поколения, в то время, как их дети успешно адаптировались в новой среде (что следует из текста сборника). Сам П. Дрейманис являясь представителем старшего поколения мигрантов, отражает в своем сочинении присущие этому поколению переживания, видение сложившейся ситуации, что явно отличается от взглядов молодого поколения, для которого чувство утраченной Родины не вызывает той боли, как у их родителей. Этим объясняется и факт столь активного стремления старшего поколения сохранить все, что может им напоминать о Родине, не потерять в себе все латышское, но одновременно и связь с прошлым, ибо каждый латыш «рожден своей родиной, создан ее природой и культурой <...> и вырастает в нее» (D r e i m a n i s 1968, 13). Именно с Родиной для поколения автора связаны все воспоминания, в первую очередь, эмоционального плана, которые, несмотря на все изменения в жизни, остаются в глубине сердца (Ibid., 13).

Говоря о молодом поколении мигрантов, П. Дрейманис пытается увидеть в них те качества, которые указывают на их соответствие нравственности латышей и являются отражением того, что свойственно *духу народа*. Автор с гордостью перечисляет их достижения в Канаде в сфере образования, общественной жизни, в бизнесе и т.п., называет, как унаследованные от своего народа, характерные для молодых людей качества (стремление к образованию, работоспособность и целеустремленность), которые, по сути, не имеют национальной принадлежности. Таким образом, скорее всего не осознавая того, стремясь найти подтверждение своим рассуждениям о вечных характерных для латышей качествах, П. Дрейманис наделяет определенные явления желаемым смыслом. В результате пассивность молодых эмигрантов в деятельности, направленной на сохранение в новых условиях традиций и всего латышского, автор пытается оправдать их достижениями в иных сферах, где наиболее ярко проявились качества, характерные латышскому народу.

Все вышесказанное объясняет, почему в сборнике постоянно говорится о прошлом, об опыте предков. Очевидно, что прошлый опыт, удерживаемый памятью, имеет важнейшее значение для когнитивных процессов, предоставляя в их распоряжение определенные модели мысли и действия, устойчивые и открытые новым обстоятельствам. Создается интересная взаимосвязь 'прошлое – настоящее', когда о прошлом упоминается с целью, «чтобы у народа было будущее» [все сказанное в первой части канадского сборника может служить подтверждением тому]. В то же время в ранних статьях 30-ых годов акцентировалось обращение к прошлому ради решения проблем настоящего. При этом, сколь рациональны не были бы рассуждения автора о *духе народа*, о роли прошлого в сохранении национальной идентичности, канадский сборник отличается от статей, написанных в Латвии, в первую

очередь, своим настроем. Подтверждение данной мысли – отличающиеся по эмоциональному наполнению описания природы и быта Латвии в работах автора, написанных в разные годы, в различных условиях. Если в статьях 30-ых годов это достаточно сухой, очень конкретный рассказ, то в сборнике – ‘воспоминания сердца’, которые имеют особое значение в судьбах людей. Таким образом, в отличие от очень обыденного изложения в статьях, в сборнике автор в своих воспоминаниях о родине как будто нежно ‘прикасается’ к милым, дорогим сердцу «вещичкам»: к «банькам», к «сарайчику посреди луга», и ‘вслушивается’ в «перезвоны жаворонка, трели соловья, кукуканье кукушки» и т.п. Очевидно, что это – поэтическое посвящение П. Дрейманиса Родине, столь не характерное для всех его статей, написанных в 20-ые – 30-ые годы. Таким образом, налицо два различных по своему настрою видения одного и того же вопроса, излагаемого автором в разные периоды его жизни. Так, в статьях 30-ых годов П. Дрейманис смотрит на объект своего наблюдения как бы изнутри, и его непосредственное ‘присутствие’ в том, о чем он повествует, не вызывает сомнения. Этим и объясняется стиль изложения материала: сухое сдержанное перечисление основных характеристик при описании природы, повседневной жизни, приводимых лишь для более полного отображения жизни народа. В свою очередь, в сборнике природа, хотя и упоминается как важный формирующий культуру фактор, является и комплексом ощущений, которые можно локализовать в ‘эмоциональном’ времени и пространстве: Латвия, ее природа уже не только географические, но и, в большей степени, эмоциональные обозначения. Теперь это ‘пространство сердца’ и одновременно пространство прошлого, с которым связаны как самые светлые воспоминания, так и боль, и надежда. Следовательно, определенные географические понятия становятся не только факторами природной среды, но и выступают как социокультурный конструкт прошлого, ибо существуют в памяти в историческом измерении и включают также переживания людей. Таким образом, созданные П. Дрейманисом в сборнике пейзажи определяли эмоциональную связь с Родиной.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что одной из основ, составляющих мировоззрение человека, оказавшегося в эмиграции, предстает феномен памяти, которая дает образное ощущение культурно-исторического диалога носителей опыта прошлого с обретающими понимание окружающего мира, а в условиях нахождения вне этнической родины – надежду на сохранение национальной идентичности.

Библиография

- D r e i m a n i s 1935 – Peteris Dreimanis, „Vēsture kā nacionāli patriotiskas audzināšanas faktors“, *Audzinātājs*, 2, 69–75.
- D r e i m a n i s 1938 – Peteris Dreimanis, „Nācija un vēsture“, *Audzinātājs*, 10, 504–509.
- D r e i m a n i s 1956 – Peteris Dreimanis, *Latvju tautas vēsture*, Hopenhāgena: Imanta.

- Dreimanis 1968 – Peteris Dreimanis, *Latvju tautas attīstība un nacionālisms*, Toronto: Latvijas nacionālā apvienība Kanādā.
- Es viņu pazīstu 1975 – *Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca*, Grand Haven (Mich.): Raven Printing.
- Hastrup 1992 – Kirsten Hastrup, “Writing ethnography: State of the Art”, *Anthropology and Autobiography*, London: Routledge.
- Mežaks 1968 – J. Mežaks, „Ievads“, P. Dreimanis, *Latvju tautas attīstība un nacionālisms*, Toronto: Latvijas nacionālā apvienība Kanādā.
- Ulmaņis 1938 – Karlis Ulmaņis, „Uzruna Latvijas vēstures skolotāju kongresa dalībniekiem“, *Pagātne un tagadne: Vēstures skolotāju biedrības rakstu krājums*, Rīga: Vēstures skolotāju biedrība.
- Veinbergs 1988 – Joels Veinbergs, *Piramīdu un zikurātu ēnā*, Rīga: Zinātne.
- Zeile 1997 – P. Zeile, „Latgaliešu etnomenālitāte un kultūra“, *Acta Latgalica* (9), Daugavpils: Latgolas Pētniecības Institūta Izdevniecība.
- Гуревич 1993 – Арон Гуревич, *Исторический синтез и «Школа Анналов»*, Москва: РАН. Ин-т всеобщей истории.
- Иконникова – Светлана Иконникова, «Историческая память как духовный ресурс цивилизации», <http://tukaeva.ru/component/content/article...>
- Лихачев 1986 – Дмитрий Лихачев, *Память истории священна*, Москва: Наука.
- Лотман 1996 – Юрий Лотман, *Внутри мыслящих миров: человек-текст-сериосфера-история*, Москва: Наука.
- Молдобаев 2004 – Кубат Молдобаев, «Этносоциальная память как форма сохранения и передачи национальной идентичности», *Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность: “Symposium”*. Выпуск 33. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество.

Ilze Šenberga

Kultūrinē atmintis ir nacionalinio identiteto išsaugojimas emigracijoje

S a n t r a u k a

Pagrindiniai žodžiai: *atmintis, kultūra, santykiai, tautinė savimonė, tautos dvasia, priminimai, tapatumas, laikas, erdvė, emigracija, šeima, tradicija.*

Straipsnyje „Kultūrinė atmintis ir nacionalinio identiteto išsaugojimas emigracijoje“ nagrinėjami istoriko ir pedagogo P. Dreimano moksliniai darbai, vadovėliai, straipsniai bei monografija, parašyti Latvijoje ir tremtyje. P. Dreimano straipsniuose, išspausdintuose Latvijoje XX a. 4 dešimtmetyje, taip pat monografijoje, parašytoje Kanadoje 6 dešimtmetyje, aprašo etninių bruožų ypatumus. Autorius tiki, kad šie bruožai padeda išsaugoti individualų tapatumą bei reflektuoja priklausomybę tam tikram etnosui. Straipsnių ir monografijos analizė suteikė galimybę apžvelgti P. Dreimano idėjų ir požiūrių kaitą, nulemtą įvairių faktorių. Ji taip pat atspindi tai, kaip kai kurios mintys keitėsi per du visiškai skirtingus jo gyvenimo laikotarpius [Latvijoje ir emigracijoje]. Vienas iš svarbiausių aspektų autoriaus darbuose yra jo požiūris į atminties fenomeną. Jis manė, kad vienos kartos asmens isto-

rinės atminties perdavimas kitos kartos asmeniui susieja juos su etnine tėvyne net gyvenant užsienyje. Istorinės atminties kultūrinis aspektas, kuris apima etnines vertybes, morale, tradicijas, kasdienybę ir kt. [autorius nuomone, tai įvardytina kaip „tautos dvasia“] tampa tvirtas pagrindas išsaugojant tautinį tapatumą emigracijoje.

Ilze Šenberga

Cultural Memory and Preservation of National Identity in Emigration

S u m m a r y

Keywords: *memory, culture, relationship, national consciousness, Spirit of Nation, remembrances, identity, time, space, emigration, family, tradition.*

The paper “Culture Memory and Saving of the National Identity in Immigration” in the Works Written in Latvia and in Exile by P. Dreimanis examines the scientific works, textbooks and articles, as well as the monograph written by the above-mentioned historian and specialist in teaching methods. In articles published in Latvia in 1930ies as well as in the monograph written in 1950ies in Canada, P. Dreimanis describes a certain complex of ethnical properties. The author believes that the usage of these properties helps to self-identify and to reflect the belonging to the ethnos. The analysis of articles and the monograph gave an opportunity to view how the thoughts and the point of view of P. Dreimanis changes because of the influence of various factors. It also reflects how his attitude to one and the same subject changes during two absolutely different periods of his life (in Latvia and in the immigration). At once, one of the main parts of the worldview of the author is the phenomenon of memory, because he thinks the translation of historical memory from a person who presents a generation to a person from a different one seems to be a method to keep a connection with the ethnical motherland, even at time of being abroad. The cultural aspect of historical memory, which contains information about ethnical values, morality, traditions, everyday life, etc. (in authors opinion, this information determines the context of the “Spirit of Nation”), becomes the basics for saving of the national identity during the immigration.

Ilze ŠENBERGA
Кафедра истории
Гуманитарный факультет
Даугавпилсский университет
Vienības iela 13
Латвия
[vl@du.lv]